

Глава 4. СПЕЦИФИКА ШИРОКОЗНАЧНОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ГЛАГОЛОВ

В настоящей главе рассматривается проблема соотношения понятий широкозначности и многозначности, основные критерии их разграничения. Анализируются основные признаки широкозначных слов. Рассматриваются особенности семантики и функционирования широкозначных глаголов *avoir/мець* и *faire/рабіць* во французском и белорусском языках. Приводятся данные сопоставительного анализа их словарных значений в разные периоды эволюции французского и белорусского языков. Исследование показывает, что значение каждого из указанных глаголов остается практически неизменным, растет только сфера их употребления. Подтверждается мысль о том, что глаголы широкой семантики актуализируются не в виде лексико-семантических вариантов (как это наблюдается в случае с многозначными лексемами); в речи реализуется широкое значение глаголов *avoir/мець* и *faire/рабіць*, которое принадлежит уровню языка.

4.1. Проблемы изучения структуры значения слова

В числе центральных проблем современной лексической семантики продолжают оставаться проблемы изучения структуры значения слова. Эти исследования принимают разные формы, однако (несмотря на различия в определении значения словесного знака) во всех современных научных направлениях предпринимаются попытки выделения в нем постоянных и переменных компонентов. Лингвисты сходятся во мнении, что семантическая структура слова имеет иерархическую организацию. В содержательное ядро значения входит ограниченный набор наиболее существенных признаков, в то время как другие признаки образуют периферию лексического значения. В работах разных исследователей представлен различный состав семантического ядра слова. Тем самым вопрос о том, что же в действительности представляет собой содержательное ядро слова, какие первичные и вторичные признаки оно включает, до сих пор не получил однозначного ответа.

Лексическое значение слова сопоставляется с философской категорией понятия. Проблема того, в чем состоит различие между понятием и значением, продолжает вызывать оживленную полемику среди исследователей языка. В энциклопедическом словаре по языкознанию лексическое значение слова определяется как «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д. Это продукт мыслительной деятельности человека, оно связано с редукцией информации человеческим сознанием, с такими видами мыслительных процессов, как сравнение, классификация, обобщение. Лексическое значение слова носит обобщённый характер» [Языкознание, с. 261]. Понятие (иначе – концепт) определяется как «явление того же порядка, что и значение

слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение – в системе языка, понятие – в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике» [Языкознание, с. 261–262].

Слово во всех своих движениях, в своей материальной форме и своем идеальном отображении сливается с понятием, образуя с ним неразрывное единство. Понятие, лежащее в основе лексического значения, характеризуется нечеткостью, размытостью границ: оно имеет *четкое ядро*, обеспечивающее устойчивость лексического значения слова и взаимопонимание между коммуникантами, и *нечеткую периферию*. Благодаря такой «размытости» понятия лексическое значение слова может «растягиваться», что позволяет использовать имеющиеся в реестре языка слова для обозначения предметов, еще не имеющих специального обозначения. Именно *подвижностью границ понятия* объясняется тенденция слова к многозначности [Шабает 2011].

Слово является двусторонней единицей, в которой связь значения и звучания (графической формы) общественно, психически и исторически обусловлена и предполагает как само существование, так и постоянную эволюцию языка. Традиционно считается, что лексическое значение «выражает в противоположность грамматическому значению слова вещественное значение, отличающее слова друг от друга и придающее им их индивидуальные свойства» [Ахманова, с. 216].

По справедливому замечанию В. В. Виноградова, «мир значений, запечатленный в формах языка, имеет в разных системах свои законы связей, свои принципы построения». Значение слова и круг его употребления обусловлены лексической системой языка. Слова на той или иной стадии развития образуют внутренне объединенную систему морфологических и семантических рядов в их сложных соотношениях и пересечениях. Отдельные слова как смысловые структуры существуют лишь в контексте этих систем; в их пределах они по-разному обнаруживают свои смысловые возможности. Все слова в составе лексической системы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Полное раскрытие смысловой структуры слова (т.е. не только его вещественного отношения, но и всей системы его значений, всех его грамматических форм и функций, его экспрессивных и стилистических оттенков, строя его «внутренних» форм) возможно лишь на фоне всей лексической системы языка и в связи с ней [Виноградов 1985, с. 6–8].

Различные концепции лексического значения затрагивают проблему иерархической организации признаков в составе значения слов. Как уже отмечалось выше, не все компоненты, входящие в структуру лексического значения, обладают одинаковым статусом. Одни из них являются наиболее существенными, устойчивыми и образуют центр (ядро) значения, в то время как другие носят периферийный характер и подвержены изменениям. Таким образом, лексическое значение слова характеризуется наличием содержательного ядра и периферии семантических признаков. Понятие о семантическом центре (ядре/«стержне») лексемы введено в лингвистику В. В. Вино-

градовым для описания значения многозначного слова [Виноградов 1972]. Исследователь выделяет в слове *основное номинативное* значение, *производное номинативное* значение и *экспрессивно-стилистическое* значение. Номинативно-непроизводное значение зависит от окружения; производное значение образуется в результате переноса или специализации основного значения [Там же]. Таким образом, **семантическая структура слова представляет собой совокупность отдельных вариантов лексического значения, среди которых выделяются *основные значения* и *производные переносные и специализированные***. Каждый лексико-семантический вариант (ЛСВ) представляет собой иерархически организованную совокупность сем (минимальных содержательных единиц). В его структуре выделяется интегрирующее родовое значение (*архисема*), дифференцирующее видовое (*дифференциальная сема*), а также *потенциальные* семы, отражающие дополнительные свойства предмета, существующие реально или приписываемые ему языковым коллективом. Эти семы важны для создания переносных значений слов.

Одним из очевидных свойств любого языка является его неоднозначность. В действительности очень многие слова обладают более чем одним лексическим значением; характеризуются полиреферентной отнесенностью, либо выполняют более чем одну синтаксическую функцию. *Неоднозначность* является результатом развития языка, свидетельством его богатства, гибкости и образности. Прежде всего, она обусловлена особенностью нашего мышления, отраженной в обобщающем характере слов, их способностью соотноситься не только с единичными предметами, но и с классами явлений, выделяемых по разным критериям. Такая способность слова зачастую связана с трудностью дать название каждому предмету и нецелесообразностью поиска такого названия, поскольку возможности человеческой памяти ограничены. Неоднозначность языковых единиц – исключительно многоаспектное явление, находящее свое отражение в многообразии форм, одной из которых является широкозначность.

4.2. О соотношении широкозначности и многозначности

Широкозначные единицы привлекают безусловный интерес исследователей и как имеющие отношение к промежуточной области лексики и грамматики и в силу этого способные к совмещению различных функций и значений. Такие слова обнаруживаются в лексике любого языка и соотносятся с различными частями речи. Так, во французском языке в качестве широкозначных рассматривают существительные *chose* (*truc*, *machin* – в разговорной речи), *affaire*, глаголы *avoir*, *être*, *faire*, *aller*, *venir*, указательные нейтральные местоимения *cela*, *ça*, *ceci*, неопределенно-личное местоимение *on*, в английском – существительные *thing*, *fact*, *place*, *man*, *person*, *body*, *ground*, глаголы – *to have*, *to be*, *to give*, *to take*, *to make*, в немецком – существительные *Ding*, *Sache*, глаголы *sein*, *machen*, *haben*, *geben*, *nehmen*,

kommen, gehen, bringen, führen, в русском языке к широкозначным относят существительные *место, дело, предмет* и т.п. [Девкин; Степанова, Кистанова; Гак 1998; Кудинова; Авдеев; Караулов]. Возможность их употребления в качестве полнозначных, полуслужебных и служебных слов, а также исключительная функциональная подвижность в синтаксическом плане чрезвычайно расширяют диапазон использования данных слов, делает их поистине универсальными.

Термин *широкозначность* был введен Н. Н. Амосовой [Амосова], а понятие *эврисемия* предложено позднее В. Я. Плоткиным и Л. Я. Гросулом [Плоткин, Гросул]. Лингвисты противопоставляли данное явление многозначности и квалифицировали его как особого рода лексико-семантическое варьирование. Исследователи эврисемии по-разному определяют широкозначность. В современной лингвистике одновременно используются термины *слова с широким значением* [Амосова], *слова широкой семантики* [Арнольд; Барсук], *слова с широкой понятийной основой* [Уфимцева], *номинация широкого семантического охвата* [Антрушина, Афанасьева, Морозова], *диффузы* [Девкин], *слова-губки* [Земская, Китайгородская, Ширяев].

Предложенная Н. Н. Амосовой концепция легла в основу исследований многих лингвистов. Разграничивая широкозначность и многозначность, она отмечает, что в семантической структуре изолированного многозначного слова сосуществуют различные значения [Амосова]. Вне контекста слово находится либо в памяти человека, либо в словаре, то есть слово рассматривается на уровне языка. Эта проблема представляет сугубо лингвистический интерес, поскольку обычный носитель языка никогда не задумывается, какое из значений многозначного слова актуализируется при его использовании в речи. Н. Н. Амосова отмечает далее, что при употреблении многозначного слова в речи все эти значения, кроме одного, исключаются и не действуют. Широкое же значение в *контексте только конкретизируется, но не изменяется и не исчезает* и остается основой любого своего суженного варианта (или *подзначения*). Н. Н. Амосова определяет широкое значение как «содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи» [Там же]¹.

---

¹ Данное определение уже не раз подвергалось в исследованиях критике. Так, С. Н. Димова пишет, что оно «оставляет нераскрытой специфику широкого значения как *особого типа* лексических значений» [Димова, с. 128]. Б. Д. Джоламанова также считает, что оно не обеспечивает отграничения широкозначности от смежных с ней явлений абстрактности, конкретности, многозначности, поскольку «каждое слово уже обобщает», неизбежно сужаясь, конкретизируясь в речи и делая тем самым коммуникацию возможной [Джоламанова, с. 6]. В. Г. Шабаев отмечает: «несмотря на твердое убеждение, что в основе каждого широкозначного слова лежит инвариантное значение, никто не формулирует это значение. Причина всегда одна – чрезвычайная абстрактность и обобщенность инварианта, не позволяющая четко выразить его словами. Видимо, это убеждение идет еще от Н. Н. Амосовой» [Шабаев 2014, с. 201].

Практически все исследователи сходятся во мнении, что широкозначности присуще закрепление в сигнификате минимального количества признаков, которые далее невозможно разложить на дифференциальные признаки в обычном смысле. Это формирует необходимые условия для соотнесения данного минимума признаков с практически неограниченным кругом денотатов. При этом во всех разнообразных и многочисленных употреблениях слова широкой семантики сохраняется единое очень обобщенное значение. Явление широкозначности зачастую рассматривается в тесной связи с многозначностью (или полисемией).

Под многозначностью принято понимать «наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова» [Бенвенист, с. 335]. В семантической структуре многозначного слова в качестве основной единицы выступает ЛСВ, который соотносится со всеми остальными значениями многозначного слова. Один ЛСВ может быть связан с другим на основе одних общих признаков, с третьим – на основе других общих признаков.

Следовательно, у многозначного слова существует несколько значений, между которыми существуют иерархические отношения [Загородняя].

Как отмечает А. А. Авдеев, в современной лингвистике отчетливо обозначились два направления в исследовании проблемы соотношения данных лексико-грамматических категорий. Представители первого направления признают сосуществование данных явлений в рамках одной языковой единицы (Б. Д. Джоламанова, С. Н. Димова, А. А. Уфимцева и др.). Они трактуют широкозначность и многозначность как корреляцию широкозначных и узких лексико-семантических вариантов в семантической структуре многозначной языковой единицы. Представители второго направления (Н. Н. Амосова, Л. Я. Гросул, В. В. Елисеева, В. К. Колобаев, Е. И. Малютина, В. Я. Плоткин) рассматривают широкозначность как особую лексико-семантическую категорию, объединяющую специфическую группу слов.

Сторонники первого подхода сходятся во мнении, что многозначное слово включает в себя множество значений, в то время как широкозначное слово обладает единственным обобщенным значением, которое конкретизируется и изменяется в зависимости от контекста. Именно в речи происходит выбор одного из множества его значений. Эврисемичное же слово, напротив, вне контекста однозначно, однако его единственное (широкое) значение соотносится с разными объектами мысли. Тем самым слово имеет широкую семантическую референцию, его понятийный объем велик, а конкретное содержание уточняется (но не меняется) в условиях речи, т.е. в контексте¹. А. М. Плотникова отмечает в указанной связи, что понятия *широкозначность* и *широко развитая многозначность* не являются синонимами. Термин *широкозначность* указывает на семантический аспект явления (обобщенный

---

¹ Это согласуется с известной в семасиологии закономерностью, сформулированной Г. В. Колшанским: «Чем шире значение слова, тем больше его зависимость от контекста» [Колшанский, с. 35].

характер семантики, широкую референцию, зависимость значения от контекста, эксплицитно не выраженные связи между значениями), а термин *широко развитая многозначность* – на количественный аспект (наличие у слова множества значений) [Плотникова]. Таким образом, широкозначное слово обладает единственным предельно обобщенным, сигнификативным значением, в то время как многозначное слово включает в себя множество значений (а не одно сигнификативное), которые актуализируются в конкретных ситуациях.

Интересна в этой связи точка зрения С. Н. Димовой, которая, изучая английское многозначное слово *way*, приходит к выводу, что в его семантической структуре широкие значения сосуществуют с неширокими. Тем самым автор трактует широкозначность и многозначность как «корреляцию» широкозначных и узких ЛСВ в семантической структуре многозначной языковой единицы [Димова]. Таким образом, широкозначность сопутствует многозначности, перекрещивается с ней.

Аналогичной трактовки указанных явлений придерживаются Б. Д. Джоламанова и А. М. Аралов. Они рассматривают широкозначность в качестве базиса для развития полисемии, а обе языковые категории, по их мнению, предстают как соотношение широкой понятийной основы с узкоспециальными значениями. Так, многозначное имя существительное – это некое целое, состоящее из определенного количества ЛСВ, в то время как широкое значение присуще тому или иному ЛСВ [Джоламанова; Аралов].

Как было отмечено выше, семантическая структура многозначного слова представляет собой совокупность определенного количества ЛСВ, которые связаны деривационной связью с основным номинативным значением слова [Уфимцева]. Причем любой ЛСВ обладает как сигнификативным, так и денотативным значением. Семантика каждого из них достаточно конкретна, в отличие от диффузного, размытого значения вариантов широкозначного слова, конкретизация которых происходит лишь в речевом употреблении. Именно поэтому вряд ли правомерно представлять структуру слова широкозначного значения в виде совокупности ЛСВ. Не случайно лингвисты, исходя из различий семантической парадигмы многозначных и широкозначных лексем, термину ЛСВ предпочитают понятия *конкретизированный вариант* [Амосова], *ситуативное употребление* [Джоламанова], *смысловой вариант* и т.п. Тем самым фактически отрицается наличие ЛСВ в семантической структуре широкозначных слов.

Главное отличие полисемии от эврисемии В. К. Колобаев видит в том, что «многозначное слово обозначает два или несколько различных понятий; слово с широким значением всегда обозначает одно понятие, которое оказывается настолько широким, что охватывает ряд понятий» [Колобаев 1983а, с. 11]. При функционировании широкозначного слова в речи его значения конкретизируются. «Слова широкой семантики, взятые вне текста, могут обозначать безграничное множество предметов и явлений окружающего мира, – отмечает исследователь. – Однако в изолированном виде

слова практически не встречаются. Контекст снимает любую возможность неправильного денотативного соотнесения слова, ведет к его конкретизации» [Колобаев 1983б, с. 10–11].

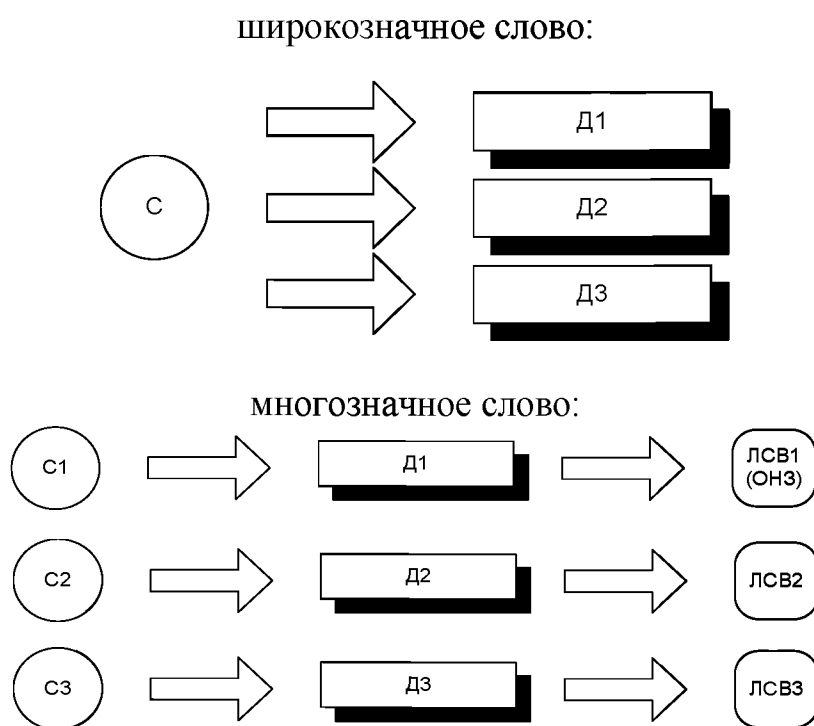
Таким образом, широкозначность и многозначность следует рассматривать как две различные лексико-семантические категории, каждой из которых присущ ряд специфичных признаков:

1) многозначность развивается за счет метафорической и метонимической деривации от исходного значения и может быть разложена на отдельные семантические сегменты, не сводимые к единому значению; широкозначность сохраняет семантический инвариант в различных употреблениях;

2) вариативность широкого значения может выходить за рамки лексической полноточности, когда в широкозначных словах на первый план выходят не их лексические, а грамматические свойства, и они начинают выполнять служебную функцию;

3) важнейшим условием «декодирования» значения и функции широкозначного слова является контекст, ограниченный одним предложением, фрагментом текста или ситуацией общения.

Исходя из сказанного, структуру широкозначного и многозначного слова можно представить следующим образом:

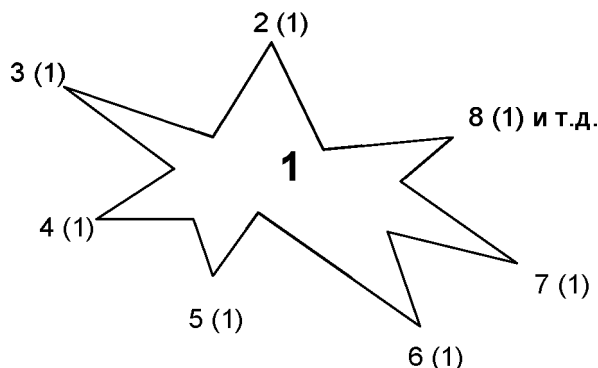

где D – денотативное значение (под денотатом некоторой языковой единицы мы понимаем множество объектов действительности, которые могут именоваться данной единицей),

C – сигнификативное значение (под сигнификатом понимается понятийное содержание языковой единицы, представляющее собой отражение в человеческом сознании свойств соответствующего денотата),

$ОНЗ$ – основное номинативное значение слова.

Семантику эврисемичного слова можно представить в виде открытого множества вариантов, так как его семантическая парадигма практически неограниченна. Все варианты единого значения связаны с единой основой, не выходя за ее рамки, что, впрочем, не исключает возможности их взаимосвязи:

4.3. Основные признаки широкозначности лексических единиц

Как и другие лексико-семантические категории языка, широкозначность обладает рядом признаков, которые определяют ее индивидуальность. Это понятие относится, прежде всего, к качественному аспекту значения лексической единицы и характеризует лексическое значение в плане уровня обобщения. Передавая понятие о классе разнородных явлений внеязыковой действительности, широкозначные слова реализуют синтетический тип номинаций: в их семантике фиксируется то общее, что свойственно целому классу референтов, все то, что связывает их в единое целое. Все конкретные проявления общего реализуются в соответствующих контекстах употребления словесной единицы и подчиняются в одинаковой степени этому общему.

Согласно исследованиям В. К. Колобаева [Колобаев 1983а] и Л. В. Барсук [Барсук], в число основных признаков широкозначных слов (рассматриваемых на примере имен существительных) входят следующие: полиденотативность; синкретизм (недифференцированность) значения; синсемантия; десемантизация (полная или частичная); полифункциональность; высокая частотность употребления; способность часто использоваться в устойчивых словосочетаниях. Все указанные признаки находятся в отношении взаимосвязи и взаимообусловленности. Остановимся на них подробнее.

Под полиденотативностью понимается способность слов широкой семантики обозначать большое количество неоднородных предметов и явлений. Поскольку в основе значения широкозначной лексической единицы лежит признак, указывающий на категорию предметов или явлений, то всё, что может быть отнесено к этой категории, оказывается семантически совместимым со значением такого слова. Так, количество денотатов у эврисемичного существительного практически не ограничено, а его конкретное денотативное значение может быть выявлено только в речи [Колобаев 1983б].

В значении любого слова находит отражение целый ряд дифференциальных семантических признаков, по которым выявляется денотативное значение слова; чем больше таких признаков, тем легче выявить денотат. В значении слова широкой семантики представлен только один признак, который указывает на принадлежность к какой-либо категории. Поэтому разложить значение такого слова на составляющие его дифференциальные семантические признаки оказывается практически невозможно. Таким образом, под с и н к р е т и з м о м эврисемичного слова подразумевается неразложимость его значения на составляющие, недифференцированность значения такой лексической единицы [Колобаев 1983б].

С и н с е м а н т и з м, то есть отсутствие определенного денотата у слова широкой семантики, рассматриваемого вне контекста, – еще одна отличительная характеристика эврисемичных единиц. Для конкретизации слов широкой семантики часто недостаточным является наличие одного слова, а иногда даже и целой фразы. В некоторых случаях для того, чтобы понять их значение, необходимо знать содержание всего контекста. В результате подобной сочетаемости широкозначное существительное либо присоединяет к своему единственному признаку признаки других слов, либо (что наблюдается чаще) передает свой признак рядом стоящему слову и таким образом придает ему новое качество. При этом само слово зачастую теряет свое лексическое значение, десемантизируется [Конецкая]. Это означает, что для слова с широким значением синтаксическая сочетаемость с другими словами носит обязательный характер: слово требует обязательного присутствия синтаксического распространения.

Именно д е с е м а н т и з а ц и я признается особенностью широкозначных существительных. Это частичная или полная утрата словом широкой семантики своего лексического значения и превращение в строевой элемент, выполняющий грамматическую функцию. Как пишет В. К. Колобаев: «При частичной десемантизации значение слова широкой семантики сводится к простой указательности... При полной десемантизации такое слово переходит в разряд грамматических средств языка, приближаясь к формальным грамматическим и морфологическим показателям, становится полифункциональным» [Колобаев 1983б, с. 4].

П о л и ф у н к ц и о н а л ь н о с т ь составляет пятый признак слов, относящихся к разряду широкозначных. Это возможность слов широкой семантики выступать как в лексической, так и грамматической функции. Считается, что ослабление лексического значения или его полная утрата приводят к тому, что слово переходит из разряда лексических средств в разряд грамматических. Под термином *грамматикализация значения* понимается вытеснение лексического значения слова значением грамматическим и утрата полнозначным словом его лексической самостоятельности. В словах широкой семантики происходит процесс уравнивания объемов лексической и грамматической абстракций за счет возведения первой в высшую степень [Там же].

Плоткин В. Я. указывает на то, что широкозначность существенно отличается от многозначности тем, что полисемия складывается путем метафорических или метонимических переносов, а семантическая структура многозначного слова состоит из отдельных, часто не связанных друг с другом значений; ей не свойственна внутренняя целостность. В конкретных употреблениях широкозначного слова устраняются все его значения, кроме одного актуализированного; а широкозначность речевых употреблений конкретизируется, но не теряет своей инвариантной природы [Амосова].

Широкозначность – явление универсальное, охватывающее различные части речи, так как она включает не только обобщенно-родовое значение, реализуемое прежде всего в существительных типа *человек, явление, факт, случай, вещь* и т.п., но и такое широкое значение, в котором в качестве понятийного компонента выступает понятие – категория. Этот тип широкозначности свойственен различным частям речи (именам, глаголам, местоимениям, предлогам и т.п.). Следует отметить, что именно в силу своей широкозначности глаголы и *être* более употребительны как вспомогательные: их относят к разряду служебных и в этой функции считают десемантизированными. Однако высказывается мнение и о том, что в грамматических функциях глаголы *avoir* и *être* сохраняют свое инвариантное очень обобщенное значение. Для глагола *être* таковым является ‘общее указание на состояние субъекта’: пространственное (*il est à Toulouse*), качественное (*il est intelligent et spirituel*), показателя агенса (*il est entré, il est sorti*) и пациенса (*il est écrit, il est admis*); для глагола *avoir* – ‘общее указание на наличие’: предметов (*il a une maison de campagne*), качеств (*il a du courage, il a de la patience*), действий потенциальных (*il a à faire, il a à écrire*), и осуществленных (*il a fait, il a pris*).

Широкозначность, как и другие языковые категории, характеризуется так называемой полевой структурой, обладающей ядром, где сосредоточены наиболее характерные, существенные признаки, и периферией, где эти признаки проявляются менее определенно. Во французском языке к «ядерным» широкозначным словам можно отнести существительное *chose* (*truc, machin* – в разговорной речи), глаголы *avoir, être, faire, aller, venir*, указательные нейтральные местоимения *cela, ça, ceci*. К другим словам широкой семантики, но с меньшей степенью обобщенности и функциональной универсальности относятся существительные, глаголы, указательные местоимения, притяжательные местоимения и т.п. Диапазон использования широкозначных слов настолько обширен (о чем свидетельствует их употребление в качестве полнозначных слов, полуслужебных и служебных), что встает проблема их десемантизации.

Таким образом, широкозначность может квалифицироваться как особая лексико-семантическая категория, свойственная части речи, основными дифференциальными признаками которой следует считать: в семантическом плане – чрезвычайно широкий понятийный объем, реализующийся в речи

преимущественно через сигнификативный компонент семантической структуры слова; в синтаксическом плане – исключительная функциональная подвижность, универсальность, синсемантия.

4.4. Специфика широкозначности глаголов *avoir* и *faire* и их белорусских аналогов *мець* и *рабіць*

Интерес представляет семантика и функционирование лексических единиц широкого значения на материале неродственных языков (французского и белорусского) в диахроническом аспекте. Анализу были подвергнуты лексические единицы *avoir* и *faire* и их белорусские аналоги – *мець* и *рабіць*, которые входят в число ядерных эврисемичных слов и определяются многими исследователями как основные, фундаментальные, полифункциональные. И это неслучайно, поскольку указывая в самом обобщенном виде на существование, местонахождение и отношение к признаку, названные глаголы занимают важное место в словаре многих языков (в том числе французского и белорусского) и активно используются для выражения целого ряда грамматических значений (временных, аспектуальных, залоговых, модальных), а также играют важную роль в создании языковой картины мира. Как пишет В. Г. Гак, полифункциональные и фундаментальные глаголы бытия и обладания выступают в качестве «двух важнейших типов структуры узла глагольного предложения» [Гак 1998, с. 594].

В словаре *Dictionnaire historique de la langue française* отмечается, что глагол *avoir* является одним из «наиболее рано зафиксированных слов французского языка», впервые появившимся на страницах «Кантилены о святой Евлалии» в 880 г. Это глагол, образованный от латинского *habere* со значениями ‘иметь/обладать’, ‘иметь/испытывать в сознании’ и ‘иметь в своем распоряжении’. Он восходит к индоевропейской основе на *gh-*, которая имеет множество производных в романских и германских языках, таких как верхненемецкий *haben* и производные от него или английский *to have* [*Dictionnaire historique...*, vol. 1, p. 276].

Словари современного французского языка [Le Petit Robert; Le grand Larousse...] фиксируют для глагола *avoir* в его употреблении в качестве самостоятельного 7 основных конкретизированных смысловых вариантов (КСВ): 1) иметь; обладать, владеть (*elle a deux enfants* ‘у нее двое детей’ (здесь и далее перевод наш. – А. Д.); *nous avons pour but* ‘нашей целью является’); 2) получить; достать; купить (*j’ai eu ce livre pour presque rien* ‘я купил эту книгу по дешевке’, *il est résolu à tout pour vous avoir* ‘он решился на всё, чтобы заполучить вас’); 3) справиться с...; одержать верх над... (*on les a eus!* ‘они попались!’; *il a juré de t’avoir* ‘он поклялся, что доберется до меня’); 4) (*qn*) обмануть, надуть, провести (*se faire avoir, se laisser avoir* ‘быть обманутым, попасться’); 5) попасть; поймать (*avoir son train de justesse* ‘едва успеть на поезд’, *je l’ai eu!* ‘попал (в цель)’); 6) быть не в порядке

(при выражении вопроса и сомнения) (*qu'est-ce qu'il a?* 'что с ним?', *il a sûrement qch* 'с ним что-то неладное'); 7) *avoir* входит в ряд устойчивых выражений (*en avoir pour son argent* 'не остаться в накладе', *avoir bon* 'получать удовольствие'; *j'en ai pour cinq minutes* 'мне нужно еще пять минут'). В словарях также указывается, что на основе конструкции «*avoir* + сущ.» образовано большое количество глагольных словосочетаний, выражающих какое-либо свойство, действие или состояние (*avoir qn en grande faveur* 'любить кого-либо', *avoir du courage* 'быть храбрым'). Конструкция «*avoir à* + инф. другого глагола» выражает долженствование (*j'ai à vous remercier* 'я должен вас поблагодарить'). Отмечается использование *avoir* в очень употребительном во французском языке безличном обороте *il y a* 'есть, имеется' (*il y a deux ans (de cela)* 'два года (тому) назад', *qu'y a-t-il de nouveau?* 'что нового?').

Исследуемому глаголу присущ широкий дистрибутивный диапазон. Так, он может выступать в качестве переходного (*il a une villa* 'у него есть/он имеет вилла/загородный дом'), непереходного (*il a à peser les pour et les contre* 'ему надо взвесить все «за» и «против»'. букв. *он имеет (необходимость) взвесить все «за» и «против»*), вспомогательного (*elle a tenu sa promesse* 'она выполнила свое обещание', букв. *она имеет свое обещание выполненным*), сохраняя во всех своих многочисленных употреблениях идею соотнесенности с денотатом – идею обладания.

В словаре *Dictionnaire historique de la langue française* указывается, что глагол *faire* образован от латинского глагола *facere* 'делать' и впервые зафиксирован в 3-м лице единственного числа субжонктива *fazet* (842 г.). *Facere* восходит к индоевропейской основе на *dhé-* со значением 'размещать'. Так, в текстах религиозного содержания он встречается в выражении *sacrum facere* 'размещать/класть жертву/подношение (на алтарь)', откуда позже произошло *faire un sacrifice* 'делать/совершать жертвоприношение'. С общим значением 'делать/создавать' глагол *faire* употребляется на страницах величайшего произведения средневековья «Песни о Роланде» (1080 г.), в частности, в значении *constituer* 'основывать, устраивать; создавать', а в 1190 году впервые зафиксировано его употребление в безличных оборотах (*il fait soleil, beau, mauvais...*) для обозначения различных явлений природы. В словаре отмечается, что в первых своих употреблениях глагол *faire* выступает как заместитель другого глагола действия и в сочетании с инфинитивом используется для выражения значения *être cause de* 'быть причиной', *attribuer à* 'предоставлять, выделять, присуждать'. На основе значения *accomplir* 'совершать' (*faire une bonne action* 'делать благое дело') образовано множество устойчивых выражений, многие из которых сохраняются во французском языке вплоть до наших дней (*faire tant, si bien que* 'так хорошо все сделать', *n'en faire qu'à sa tête* 'делать/поступать как вздумается' и т.д.) [*Dictionnaire historique...*, vol. 2, p. 1390].

Для исследуемого глагола словари современного языка Le Robert, Le grand Larousse illustré фиксируют 32 значения. В числе основных конкретизированных смысловых вариантов выделяются: 1) делать/действовать (*c'est ce que je fais* 'именно это я и делаю', (*il n'y a rien à faire* 'ничего не поделаешь; ничего не выйдет'); 2) делать, создавать (*faire du maïs* 'выращивать кукурузу', *faire des vers* 'сочинять, писать стихи'); 3) делать, исполнять (*faire la commission* 'выполнить поручение'); 4) совершать (к.-л. действие) (*faire le tri* 'отбирать, производить отбор', *faire une promenade* 'совершить прогулку'); 5) заниматься чем-либо (*faire sa médecine* 'изучать медицину', *faire dans qch* 'работать в какой-либо области'); 6) приводить в порядок (*faire la vaisselle* 'мыть посуду'); 7) назначать (*on l'a fait cuisinier* 'его назначили шеф-поваром'); 8) вызывать, быть причиной, причинять (*faire du chagrin* 'огорчить', *faire des difficultés* 'чинить препятствия') и т.п. Отметим, что, как и глагол *avoir*, лексическая единица *faire* характеризуются необычайной широтой дистрибутивного диапазона, многообразием синтаксических моделей, в которых она используется. Так, указанный глагол может выступать в качестве переходного (*il fait cet exercice* 'он делает это упражнение'), непереходного (*il fait comme tous* 'он делает/поступает как все'), связочного (*elle fait jolie* 'она красавица'), сохраняя во всех своих многочисленных употреблениях идею соотнесенности с денотатом – активность субъекта действия.

Что же касается способности изучаемых глагольных единиц часто употребляться в устойчивых словосочетаниях, то по данным «Нового Большого французско-русского фразеологического словаря» под редакцией В. Г. Гака фразеологизмы с глаголом *avoir* составляют более 1 000 фразеологических единиц и занимают 8 страниц (с. 97–104) в указанном лексикографическом источнике. Так, со словами, начинающимися на букву «а», насчитывается 156 единицы, на букву «b» – 165, «с» – 266; «d» – 81, «е» – 74, «f» – 93 и т.д.). Например: *avoir faim* 'иметь/испытывать голод'; *il a la bougeotte* 'ему не сидится на месте'; *avoir ses carottes cuites* 'быть при смерти'; *avoir ses épines* 'иметь свои неприятные стороны'; *avoir son prix* '1) цениться, всегда быть в цене (о предмете) 2) иметь свои достоинства (о человеке)'; *avoir ses hasards* 'иметь свою собственную судьбу' и т.п. Очевидно, что при переводе на русский язык не всегда возможна дословная передача значения выражения. Однако семантический анализ примеров позволяет убедиться в том, что во всех случаях так или иначе актуализируется широкое значение исследуемого глагола 'иметь, обладать'. Так, в сочетаниях *avoir faim/soif/sommeil* 'иметь голод/жажду/желание уснуть' глагол передает значение обладания, а существительное описывает ситуацию, которая находится в сфере обладания.

В названном выше словаре фразеологизмы с глаголом *faire* представлены более чем 1 500 единицами и занимают 12 страниц (с. 617–628). В частности, со словами, начинающимися на букву «а», насчитывается

102 фразеологические единицы, на букву «b» – 255, «c» – 327, «d» – 156, «e» – 130, «f» – 168 и т.п. Например: *faire à pied* ‘обойти пешком’; *faire abstraction (de)* ‘оставить без внимания, пройти мимо’; *faire autruche* ‘прятать голову в песок как страус’; *faire attention* ‘1) быть осторожным 2) приложить усилия, постараться’; *faire banqueroute* ‘обанкротиться, разориться’; *faire carême* ‘поститься’ и т.п. Как видим, круг лексем, в сочетании с которыми употребляется исследуемый глагол, чрезвычайно широк и включает как слова конкретной, так и абстрактной семантики, одушевленные и неодушевленные, собственные и нарицательные. Семантический анализ примеров позволяет убедиться в том, что во всех случаях так или иначе выражает обобщенную идею действия.

В издании «Этымалагічны слоўнік беларускай мовы» отмечается, что глагол *мець* (*маць, мѣтэ, мецца, мацца*) восходит к праславянскому *jьmĕti, jьmьti* [Этымалагічны слоўнік..., т. 7, с. 28]. Анализ словарных статей издания «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» и данных сайта skarnik.by позволил установить для глагола *мець* 5 основных значений: 1) валодаць як уласнасцю (*мець каня, мець халадзільнік, мець грошы*), 2) валодаць чым-н. (*мець вопыт, мець прафесію, мець талент, мець сілы*); 3) лічыць каго-н. кім-н. (*мець за гаспадыню*); 4) (у спалучэнні з В. и Р. скл. назоўнікаў, якія абазначаюць уласцівасць або стан): а) дзеянне па значэнню гэтага назоўніка (*мець надзею – спадзявацца, мець клопат – клапаціцца, мець права – дазваляеца*); б) быць, знаходзіцца ў якім-н. стане (*мець непрыемнасці*); 5) у спалучэнні асабовых форм з інф. набывае значэнне ‘павінен або намерваецца што-н. зрабіць’ (*мець вушы ‘прыслухоўвацца’, мець на прыкмеце ‘браць на ўвагу’*: Гаворка пра сесію, якая мела адбыцца, пачалася яшчэ ў машыне). В этом последнем значении он созвучен глаголу *avoir* в конструкции «*avoir à* + инф.».

Во всех служебных функциях (в качестве связки, в аналитических формах, в модальных конструкциях) глаголы широкой семантики сохраняют свои лексические значения, т.е. их десемантизации не происходит.

В издании «Этымалагічны слоўнік беларускай мовы» отмечается, что глагол *рабіць* заимствован из польского языка (ср. с польским глаголом *robić* ‘рабіць, працаваць’, что соотносится с литовским *dirtbi*, немецким *arbeiten*) и восходит к праславянскому корню **orb-* [Этымалагічны слоўнік..., т. 11, с. 11]. На основе данных издания «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» и электронного толкового словаря можно выделить 9 основных значений глагола *рабіць*: 1) займацца чым-н. (*рабіць доследы*); з аддзеяслоўнымі назоўнікамі і з назоўнікамі са значэннем дзеяння (*рабіць выбар; рабіць вымову; рабіць памылку*); 2) вырабляць, майстраваць (*рабіць абутак; рабіць квас*); 3) працаваць дзе-н., кім-н. (*рабіць на заводзе*); на каго-што, працаваць, забяспечваючы або абслугоўваючы каго-н. (*рабіць на сям’ю*); 4) заказваючы, даручаць вырабляць што-н. для сябе (*рабіць абноўку*); 5) у спалучэнні з назоўнікам выражае дзеянне паводле значэння гэтага назоўніка (*рабіць памылкі (памыляцца)*); 6) аказваць, прычыняць што-н.

каму-н. (*рабіць дабро людзям*); 7) ператвараць у каго-н., у што-н. (*рабіць з хлопца камедыянта*); надаваць каму-, чаму-н. які-н. выгляд (*Валасы тырчалі на ім вожыкам, а русая, з рыжаватым адценнем барада рабіла .. [дзядзьку] смешным*); 8) каго (што) кім або якім (*рабіць чалавека шчаслівым*); 9) утвараць сабой (*рака рабіла круты паварот*).

Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы пад рэдакцыяй І. Я. Лепешева змяшчае 16 устойлівых сочетанняў з глаголом *мець*. Напрыклад: *мець бога ў сэрцы* ‘быць сумленным’; *мець вока на каго-н.* ‘прыхільна ставіцца да каго-н.’ або ‘адчуваць непрыязнасць да каго-н.’; *мець гонар*; *мець ласку* ‘удастойніцца’; *мець зуб* ‘тайна ненавідзець каго-н.’; *мець на ўвазе* ‘падразумяваць’; *мець месца* ‘быць у наяўнасці’; *мець мух у носе* ‘быць упартым, капрызным’; *мець рацыю* ‘правільна, абгрунтавана думаць, гаварыць’; *мець (сваю) галаву на плячах* ‘быць дастаткова разумным, кемлівым’ і т.п.

В указанном словаре представлено 11 фразеологизмов с глаголом *рабіць* (*зрабіць*). Это такие сочетания, как *рабіць выгляд* ‘ствараць пэўнае ўражанне’; *рабіць вялікія вочы* ‘выражаць крайняе здзіўленне’; *рабіць вяселую (добраю) міну пры дрэннай гульні* ‘старацца схаваць за знешнім спакоем ці веселасцю сваё незадавальненне’; *рабіць з белага чорнае* ‘беспадстаўна перайначваць’; *рабіць з мухі слана* ‘беспадстаўна перабольшваць’; *рабіць пагоду* ‘мець рашаючае значэнне’ і т.п. В словаре отмечается, что данные глаголы употребляются, в основном, с существительными, обозначающими одушевленное лицо.

Даже беглый анализ представленных смысловых вариантов широкого значения данных глаголов, равно как и значений фразеологических единиц с их участием, позволяет констатировать, что каждое актуальное значение является видовым речевым репрезентантом широкого значения. Семантика глаголов *avoir/мець* означает, что «субъект имеет предмет(ы) в своей сфере/ в сфере своего обладания». Глаголы *faire/рабіць* дают возможность представить действие в самом широком смысле (как процесс, событие, состояние, отношение). Всякий раз семантика данных глаголов получает конкретизацию, своеобразное «сужение» в зависимости от значения сочетающихся с ними единиц. Например: *avoir la chance, avoir la décision, avoir la frousse, avoir la langue légère; faire affiche, faire déborder qn, faire des singeries; мець права, мець талент, мець слых; рабіць урокі, рабіць акцэнт на чым-н., рабіць вымову* и т.п.

Как следует из изложенного выше, и во французском, и в белорусском языках исследуемые слова ведут себя как единицы широкой семантики. Важно отметить, что в лексикографических источниках обоих языков в качестве первого, основного значения представлено одно и то же значение: для глаголов *мець/avoir* – ‘иметь; обладать, владеть’, для *рабіць/faire* – ‘делать, изготавливать, создавать’. Семантика данных единиц закодирована в языке предельно экономным способом. Каждое актуальное значение является видовым речевым репрезентантом широкого значения. Семантика глаголов *мець/avoir* покрывает все возможные пространственные отношения

между субъектами или предметами: выявленные значения дают возможность обозначить, что предмет связан с каким-то другим предметом/предметами, то есть «имеет его/их в своей сфере», «при себе». Глагол *рабіць/faire* дают возможность представить все действия, а также процессы, события, состояния и отношения в виде «делания».

Как следует из изложенного выше, и во французском, и в белорусском языках исследуемые слова ведут себя как единицы широкой семантики. Важно отметить, что в лексикографических источниках обоих языков в качестве первого, основного значения представлено одно и то же значение: для глаголов *мець/avoir* – ‘иметь; обладать, владеть’, для *рабіць/faire* – ‘делать, изготавливать, создавать’. Семантика данных единиц закодирована в языке предельно экономным способом. Каждое актуальное значение является видовым речевым репрезентантом широкого значения. Свободные от референтной соотнесенности исследуемые слова с широким объемом значения аккумулируют в себе содержание, уже заложенное в какой-либо лексической единице, сохраняя семантический инвариант во всех своих употреблениях. Динамический характер концептов «быть» и «иметь», равно как и других культурных концептов, определяется значимостью их ценностной составляющей для соответствующего социума в тот или иной период его исторического и социально-экономического развития. Национальный менталитет «направляет» динамику их развития. Имеющиеся в языковом сознании стереотипы влияют на содержание концептов, диктуют некоторые фиксируемые в них оценки явлений и событий.

* * *

1. Понятие, лежащее в основе лексического значения слова, характеризуется размытостью границ. Оно имеет четкое ядро, которое обеспечивает устойчивость лексического значения слова, и нечеткую периферию. Подвижность границ понятия порождает многозначность слова. Неоднозначность языковых единиц – многоаспектное явление, которое находит свое отражение в многообразии форм, одной из которых является широкозначность.

2. Широкозначность и многозначность следует рассматривать как две различные лексико-семантические категории со своим набором специфичных признаков. Многозначность развивается за счет метафорической и метонимической деривации от исходного значения и может быть разложена на отдельные семантические сегменты, не сводимые к единому значению. Широкозначность сохраняет семантический инвариант в различных употреблениях слова. Вариативность широкого значения может выходить за рамки лексической полноточности, когда на первый план выходят не лексические, а грамматические свойства эврисемичного слова и оно начинает выполнять служебную функцию. Важнейшим условием «декодирования» значения и функции широкозначного слова является контекст.

3. К основным признакам широкозначных слов относятся следующие: *полиденотативность* – способность обозначать большое количество неоднородных предметов и явлений; *синкретизм значения* – неразложимость значения на составляющие; *синсемантия* – способность выражать значение лишь непосредственно в контексте с другими языковыми единицами; *десемантизация* – явление частичной или полной утраты лексического значения и переход в служебный элемент, выполняющий грамматическую функцию; *полифункциональность* – способность выступать как в лексической, так и грамматической функции; высокая частотность употребления; способность часто использоваться в устойчивых словосочетаниях. Все эти признаки находятся в отношении взаимосвязи и взаимообусловленности.

4. И во французском, и в белорусском языках глаголы *мець/avoir* и *рабіць/faire* ведут себя как единицы широкой семантики. Лексикографические источники обоих языков в качестве первого, основного значения фиксируют одно и то же значение: для глаголов *мець/avoir* ‘иметь; обладать, владеть’, для *рабіць/faire* ‘делать, изготавливать, создавать’. Семантика данных единиц закодирована в языке предельно экономным способом. Каждое актуальное значение является видовым речевым репрезентантом указанных широких значений. Степень сужения сигнификативного значения диктуется условиями каждой данной ситуации, в которой употреблены исследуемые слова. Глаголам *мець/avoir* и *рабіць/faire* свойственна высокая частотность употребления и способность часто использоваться в устойчивых словосочетаниях.

Исследование позволило констатировать, что смысловая и грамматическая реализация эврисемичных слов характеризуется максимальной контекстуальной (главным образом синтагматической) обусловленностью, в связи с чем в предложениях с эврисемичными словами краеугольной является проблема взаимосвязи лексического и грамматического, лексики и синтаксиса.

Думается, что развитие системно-синергетического представления языка предоставит новые возможности для анализа природы данных глаголов.